

Богословие в Церкви и в светском университете: особенности и проблемы

Интервью председателя Синодальной библейско-богословской комиссии, ректора Общецерковной аспирантуры, председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона научному редактору журнала «Вопросы теологии» Александру Кырлежеву.

– Наш разговор посвящен богословию (теологии) как особой сфере религиозной мысли и опыта. Поэтому первый вопрос – самый общий: что такое богословие? Какое определение вы бы дали?

– Думаю, что начать надо с классического определения, которое в свое время дал Евагрий Монах. Отвечая на вопрос, кто такой богослов, он сказал: богослов – это тот, кто истинно молится, и если ты истинно молишься, то ты богослов. Это, конечно, не исчерпывает всей сферы богословского дискурса, но указывает на очень важный критерий, который отличает богослова,

например, от религиоведа, от философа, от представителя иных светских специальностей: богословие не может быть оторвано от религиозной практики. Богословие – это не просто какое-то теоретизирование, рассуждение о Боге, а богопознание, которое неразрывно связано с опытом молитвы.

Здесь можно вспомнить человека, который в церковной традиции получил наименование «богослова», – святителя Григория Богослова. Он говорил, что философствовать о Боге можно не всякому, не во всякое время и не в любых обстоятельствах. Философствовать, т.е. размышлять и рассуждать, о Боге может тот человек, который прежде очистил или очищает свое сердце. Здесь опять акцент сделан на религиозной практике.

Очень часто в современном, особенно западном, мире богослов представляется как человек, который сидит с книгами: он обложился книгами, он в книгах что-то вычитывает, а потом производит что-то свое. Конечно, богословие невозможно мыслить независимо от книг, от книжной традиции, от литературной традиции, но оно этим никоим образом не исчерпывается. Подлинный богослов – это человек, который живет глубокой религиозной жизнью и у которого богословские знания, в том числе получаемые из внешних источников – будь то Священное Писание, будь то творения святых отцов, будь то творения современных богословов, – накладываются на его собственный религиозный опыт, переплавляются в горниле этого опыта. И тогда то, что он сам производит в качестве литературного продукта, может быть не просто плодом книжной мудрости, но и неким плодом его собственного опыта.

– Правильно ли я понимаю, что вы предлагаете в богословии и в богослове видеть два главных аспекта: первый касается ума в древнем и богословском смысле, т.е. ума, который обращен к Богу в молитве, а второй касается рациональной способности человека, реализуемой в рассуждении, анализе и синтезе, создании текста? Эти два аспекта связаны, но рациональная часть так же важна, потому что если нет рассуждения, то это просто безмолвие...

– Да, один аспект – это та рациональная составляющая, которая в той или иной мере всегда присутствует в богословском дискурсе. А вторая составляющая – это то, что происходит на уровне сердца, молитвы как беседы ума с Богом. Мы же не мыслим себя как существо, состоящее из частей: вот тут у меня сердце действует, а тут – только мозг. Если мы молимся одним мозгом, то это неполноценная молитва. Если мы молимся только сердцем, а мозг у нас дремлет, то мы можем даже «впасть в прелесть». Когда человек молится, он вовлекается в молитву всем своим существом. Когда человек богословствует, то, я думаю, он призван к тому, чтобы богословие становилось частью его жизненного опыта, в который вовлекается не только его ум, но и его сердце, его желание быть с Богом, его способность быть с Богом и его желание предстать Богу.

Вот конкретный пример: святой Симеон Новый Богослов, который жил во второй половине X и в первой четверти XI в. Есть взгляд на него, который я обнаружил, когда в Оксфорде стал заниматься его наследием как объектом богословского исследования. Я изучил литературу, посвященную этому автору, которая немногочисленна, так что это не составило большого труда. И там Симеон представлен как человек, который испытал влияние определенных авторов – Оригена, Григория Нисского, Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника. Но когда я стал читать самого Симеона, я обнаружил, что у него нет ссылок ни на одного из этих авторов. Зато у него есть ссылки на Григория Богослова, очень много ссылок на Священное Писание, на литургические тексты, а также постоянные отсылки к его духовному отцу Симеону Студиту. То есть его бэкграунд был не таким, каким его описали ученые, которые представляли его как человека, сидящего за книжным столом. Свои богословские знания он в основном черпал не из книг, а из богослужения. Даже творения Григория Богослова тогда за богослужением читались – в Студийском монастыре и в монастыре святого Маманта, где он подвизался. Мне кажется, что это очень интересно.

– Здесь можно вспомнить, что эти два святых отца, которые в традиции получили имена «богословов», кроме евангелиста Иоанна Богослова, – они были еще и поэтами, авторами поэтических текстов, а не только трактатов. Это как-то связано с вашим образом богослова?

– Это очень тесно связано. Более того, я бы сказал, что и Иоанн Богослов – тоже поэт, потому что когда вы читаете: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...» – это поэтический текст. Есть даже такая версия, что это был некий раннехристианский гимн, который вставили в Евангелие. Я эту теорию не разделяю, но то, что Иоанн Богослов был поэтом, очевидно.

– Перейдем к актуальной проблематике, связанной с пониманием теологии. Богословие, как вы его описываете, – это, конечно, то, что мы называем церковным богословием, которое всегда было, имеет большую традицию и именно так воспринимается внутри Церкви, в духовных школах, и будущих богословов именно в этом духе и наставляли. Но сейчас, помимо этого церковного богословия, появилось то, что называют светской теологией, которая недавно в России была признана в качестве научной специальности. Эта теология охватывает не только разные христианские конфессии, но и религии, и находится она в светском академическом, университетском пространстве. Как бы вы описали соотношение этих двух теологий, учитывая, что от светской теологии трудно ожидать того двуединства, которое характерно для церковного богословия с его апелляцией к Евагрию Понтийскому?

– Это непростой вопрос, на который, я думаю, нет однозначного ответа. Где та граница, за которой богословие перестает быть богословием в церковном смысле? И где та граница, за которой теология как светская наука перестает быть светской? Эту границу прочертить довольно трудно.

Когда мы говорим о присутствии теологии в светском образовательном пространстве, мы подчеркиваем, что теология как наука не разрушает светский характер образования. В каком смысле? В том смысле, что мы не должны превращать кафедру теологии в церковный амвон. Мы не должны превращать кафедры теологии в инструмент привлечения людей в Церковь – или в мечеть и синагогу, если речь идет о кафедрах теологии иных религиозных конфессий. То есть на уровне университета, светского учебного заведения мы как раз и берем ту рациональную составляющую теологии, которая, собственно, является вершиной айсберга. А что происходит в душе человека, как его сердце на это откликается, молится ли он по утрам и вечерам – это мы оставляем на его совесть. Было бы странно, если бы профессор теологии в университете на экзамене спрашивал студента, читает ли он утренние и вечерние молитвы. Это его не касается, это может касаться духовника, а задача профессора теологии в светском университете – преподавать ту сумму знаний, которая позволит студенту воспринять ту или иную религиозную традицию.

Однако само преподавание этой религиозной традиции не должно быть, с моей точки зрения, оторвано от нее, т.е. это не может быть просто какой-то свободный полет мысли или фантазии. От теолога, который преподает этот предмет, ожидается, что он связан с конкретной религиозной традицией. И в этом состоит его отличие от религиоведа, который не всегда связан с религиозной традицией и одинаково нейтрально относится к православию, исламу, иудаизму, каким-то сектам и т.д.

У меня был такой случай. Я выступал в одном светском университете, и там сидел преподаватель, который сказал, что для него как религиоведа все равно – христианство, ислам, буддизм, сектантство или сатанизм. Я ему ответил, что если вы так считаете, то с такими религиоведами, как вы, нам не по пути. Потому что для нас не то же самое – христианство, ислам, иудаизм или сатанизм. А с теми религиоведами, которые уважительно относятся к религиозным традициям, хотя сами не являются приверженцами этих традиций, мы вполне можем найти общий язык.

– Получается, что любой человек, даже тот, кто не находится в религиозном поиске, может поступить на кафедру теологии светского университета для того, чтобы просто познакомиться с этими религиозными традициями, чтобы их изучить. Но при этом такие кафедры теологии – обязательно конфессиональные, и поэтому он знакомится не со всем, так сказать, набором религиозных и теологических традиций, как это происходит на кафедрах религиоведения, а лишь с одной из этих традиций. И поэтому

преподаватель каким-то образом обязательно должен быть ассоциирован с какой-то религиозной организацией, и должен быть какой-то конфессиональный контроль. Это напоминает ситуацию, скажем, в германских университетах, где теологические факультеты – и протестантские, и католические – определенным образом связаны с соответствующими церквями. Но внутри университета их члены – просто профессора и ученые.

– Да. Я думаю, что у нас со временем сложится и уже складывается примерно такая же система. То есть нам нужно не отпустить эту университетскую теологию в свободное плавание, чтобы у нас не появились люди, которые не связаны с той или иной религиозной традицией или даже являются противниками религии, но при этом получают степень доктора теологии и преподают теологию. Такого быть не должно. У преподавателей теологии, помимо лицензии на преподавание, которую они получают в светском университете, должна быть еще и некая форма апробации со стороны соответствующей религиозной конфессии.

– Иными словами, никакой свободной теологии вы не предполагаете: или она привязана к конкретным религиозным сообществам и организациям, или это какая-то философия, свободомыслие...

– Или это уже не теология. Это может быть религиоведение, может быть философия. А теология, по моему глубокому убеждению, должна быть связана с религиозной традицией – конкретной, живой.

– Однако если мы вернемся как к примеру к германской ситуации, там существует такая важная вещь, как академическая свобода. Профессора теологического факультета находятся в равном статусе со всеми другими профессорами, и у них есть автономия в том смысле, что их идеологически не контролируют их церкви. Они действуют так, как действуют все другие гуманитарии, без цензуры – именно потому, что их кафедра не церковный амвон. И у них большая свобода исследования, определяемая правилами самой науки. Мы тоже можем к этому прийти?

– Я думаю, что мы тоже рано или поздно к этому придем, но здесь опять возникает вопрос балансов и границ. Если речь идет о том, что каждый теолог обладает возможностью творческого подхода к теологической науке, то почему же это не приветствовать? Мы знаем, скажем, на примере парижского Свято-Сергиевского православного богословского института, что там были богословы очень разных направлений, что они спорили друг с другом, не соглашались.

Например, отца Сергия Булгакова даже в ереси обвинили, а кто-то его, наоборот, защищал. Это

естественно для здоровой теологической среды. Как говорил апостол Павел, «надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор 11:19). Если действительно выясняется, что какой-то теолог проповедует ересь, то тогда об этом должна заявить соответствующая религиозная конфессия и сказать, что раньше он имел признание с нашей стороны, а теперь его утратил, потому что проповедует ересь. То есть связь теолога с религиозной конфессией предполагает и некоторую степень подотчетности.

– Пример с отцом Сергием Булгаковым в данном случае очень удачен. Я не раз слышал от духовных чад о. Сергия, которые его защищали, что он никогда не проповедовал с амвона те свои специфические богословские идеи, которые развивал в своих теологических трудах. Как священник он был прежде всего служителем алтаря, духовником, проповедником, покровителем молодежного православного движения, а его богословская доктрина – она была в книгах, в исследованиях. Иначе говоря, это можно разделить, но для этого надо допустить возможность свободного богословского исследования в рамках традиции. Сегодня сложная и масштабная богословская система о. Сергия остается у нас или, так сказать, предметом любви, или, наоборот, предметом обличения. Как вы считаете: для развития богословской мысли и науки надо ли изучать богословие отца Сергия Булгакова, несмотря на то что там много того, что порой с трудом вписывается в православную богословскую традицию?

– Я считаю, что его творчество следует изучать, как и творчество любого выдающегося богослова, вне зависимости от эпохи. Здесь можно привести пример Оригена. Ведь творения Оригена являются частью курса патрологии даже в наших духовных школах, хотя в строгом смысле слова он был осужден за ересь. Но его заслуги в формулировании догматов и вообще в развитии богословия настолько неоспоримы, что он остается предметом изучения патрологической науки. И, например, изучать великих Каппадокийцев, игнорируя Оригена, просто невозможно. Без изучения Оригена мы не можем понять развития восточно-христианской религиозной и богословской мысли.

То же самое, как я думаю, относится и к отцу Сергию Булгакову. Когда мы его изучаем, мы понимаем, что это человек, который был глубоко погружен в святоотеческое богословие: он был очень в нем начитан, знал наизусть целые страницы произведений святых отцов. В то же время на него оказал прямое влияние наш русский Серебряный век, в том числе поэзия: Владимир Соловьев, Александр Блок, София, Прекрасная Дама – все это как-то причудливо переплелось в его богословии. Кто-то может увидеть в этом ересь – я не берусь здесь судить, потому что я никогда не изучал углубленно его труды.

Могу привести еще один пример, который я досконально изучил: движение, получившее название

имяславия. Оно было осуждено как ересь. Я считаю, что ереси как таковой там не было. Там были какие-то неудачные формулировки, там было «гусарское богословие» иеросхимонаха Антония (Булатовича), который в свою «Апологию веры во Имя Божие» напихал всякую всячину, совершенно тенденциозно представил какие-то цитаты. И создается впечатление, что эти монахи проповедуют какую-то ересь. На самом деле, там было просто разное понимание того, что означает Имя Божие, и разные формулировки. Глядя на всю эту историю сто с лишним лет спустя, можно видеть, что это было разномыслие, оно возникло, но не было должным образом уврачено. И эта история привела к печальным последствиям.

– Хочу вас спросить о некоторых базовых понятиях – именно в перспективе развития богословия, и церковного, и светского академического. Вот несколько терминов и выражений, которые присутствуют в нашем нынешнем богословском дискурсе: ортодоксия, святоотеческое богословие, так называемое согласие отцов, теологумены, или частные богословские мнения. Как бы вы прокомментировали эти термины?

– Я думаю, что понятие святоотеческого богословия все-таки довольно четко очерчивает определенную географическую и временную реальность. Существуют разные взгляды на то, когда закончилось святоотеческое богословие. Многие богословы считают – как, например, мой учитель владыка Каллист (Уэр), – что святоотеческое богословие не закончилось и продолжается, и я с этим согласен. Но все-таки, когда мы берем святоотеческую эпоху как предмет академического изучения, мы более или менее ограничиваем ее теми рамками, которые в свое время поставил аббат Жан-Поль Минь: с I по XIV в., т.е. от Нового Завета до Григория Паламы, если говорить о восточно-христианской традиции; а если говорить о традиции западно-христианской, то до XI в. Это то, что мы понимаем под святоотеческим богословием, хотя, конечно, может быть и другое понимание термина.

Что касается согласия отцов, *consensus patrum*, – это то общее и неизменное, что проповедовали Святые Отцы. То, что отражено в Символе веры, в классических вероучительных определениях, то, что отражено в нашем богослужении, которое все пронизано догматами веры – и там этот консенсус отражен в полной мере.

А то, что в русской богословской традиции профессор В.В. Болотов обозначил термином «теологумен», под которым он понимал некое частное богословское мнение, – это то богословское мнение, которое мог высказывать тот или иной уважаемый автор, даже отец Церкви, но которое не находило поддержки у других авторов и не является частью общецерковного учения. Эти теологумены хорошо известны, например учение о всеобщем спасении, которое очень ярко выражено у Григория Нисского и у Исаака Сирина. Это частные мнения. В той форме, в которой оно было выражено у Оригена, оно было осуждено Церковью; в той форме, в которой оно было

выражено у Григория Нисского и Исаака Сирина, оно не было осуждено Церковью, но не было и принято. Поэтому считать это частью православного вероучения мы не можем, но можем рассматривать это как частное мнение конкретных авторов.

– Значит ли это, что пространство богословия не тождественно пространству вероучения, догматики, ортодоксии? Иначе говоря, с одной стороны, есть общецерковное вероучение, и здесь мы можем сказать: это – православно, а это – неправославно. А с другой стороны, есть зона, где возможно богословское размышление и где возникают частные мнения, которые не становятся частью учения Церкви, но являются элементами собственно богословствования. Так ли это?

– Я думаю, что так. Мы должны понимать, что на протяжении нескольких веков само учение Церкви находилось в стадии становления. Это не значит, что оно постепенно формировалось, но это значит, что оно постепенно формулировалось. Те догматы, который мы считаем богооткровенными, в конкретную эпоху формулировались с большей точностью и в ответ на возникавшие ереси. В каком-то смысле можно даже говорить, что ереси были некоей движущей силой для формулирования вероучения.

Приведу конкретный пример. Долго не могли понять, как же в Иисусе Христе сочетаются Божество и человечество. И нашелся один умник, Аполлинарий Лаодикийский, который сказал: все просто – Слово стало плотью, т.е. восприняло человеческую плоть, а божественное в Нем – это дух и душа. Казалось бы, красивое объяснение. И не сразу поняли, что за этим таится не просто частное богословское мнение, а ересь. И первым, кто это распознал, был Григорий Богослов. Он сказал: как же так, не воспринятое – не исцелено?! Если Сын Божий воспринял только человеческую плоть, значит, Он обожил только человеческую плоть. А как же наша душа и наш дух?! И Григорий говорит, что Сын Божий воспринял всецелого человека, дух, душу и тело. Почему? Потому что невоспринятое не исцелено. То, что на первый взгляд можно было считать частным богословским мнением, оказалось опасной ересью, которая подрывала все основы христологии.

Вот так иногда богословский дискурс в поиске путей объяснения труднообъяснимых вещей приводил к заблуждению. Кого-то Церковь осуждала при жизни, кого-то при жизни исправляла, и человек отказывался от своего мнения, а относительно кого-то только после смерти выяснялось, что он учил неправильно.

Если говорить о нынешней ситуации, то, конечно, у нас есть те столпы нашей веры, которые поколебать невозможно и на которые никто не должен посягать, – это догматы. Но на каждом новом этапе вероучение требует нового объяснения. Если мы сейчас молодому человеку, который

пришел с улицы, начнем объяснять догмат о Святой Троице в тех терминах, в которых Григорий Богослов объяснял, то он ничего не поймет. Он скажет: что вы мне голову морочите? Вы мне объясните по-человечески, что все это значит – это один Бог или это три Бога? И мы должны найти какие-то способы на современном языке объяснить те же самые истины, при этом не погрешив против Истины.

Еще один момент, который вы затронули в вашем вопросе, это то, что теология не исчерпывается только догматическим богословием. Есть богословие нравственное, сравнительное, пастырское... Есть разные аспекты богословской науки, которые совсем не так строго привязаны к догматам, – где гораздо больше допускается свободы и, более того, существуют спорные моменты.

– Я бы сформулировал вопрос по-другому. Какие сегодня существуют зоны богословской неопределенности, неясности, того, что не было проговорено в прошлом, но что важно именно сейчас богословски проработать? Самые важные темы и проблемы?

– Я думаю, что сейчас самые главные такие темы связаны с вопросами биоэтики. Много из того, что касается современных медицинских биотехнологий, было совершенно неизвестно людям в древности. Это новые феномены, к которым можно подойти с какой-то формальной точки зрения или менее формально, и по этим вопросам возникают серьезные разногласия.

Например, в рамках комиссии по богословию Межсоборного присутствия мы обсуждаем вопросы, связанные с биоэтикой. И у нас в процессе обсуждения возникают такие разногласия, которые фактически разделяют членов комиссии на две половины. Одни говорят, что мы не признаем что-либо ни в какой форме, а другие говорят, что мы в каких-то формах, с оговорками, можем это признать.

Недавний пример – дискуссия об ЭКО (экстракорпоральном оплодотворении). Эта дискуссия у нас не завершена, и я не знаю, к чему мы придем в богословской комиссии. Но в ходе дискуссии мы увидели, как разделилось наше богословское сообщество. Есть те, кто считает, что это неприемлемо в принципе, а есть те, кто говорит: если нет убийства избыточных эмбрионов, если фактически речь идет только о том, что врачи помогают супружеской паре зачать ребенка и женщине потом его выносить, то почему этого не допустить? И вот, мы сидим и рассуждаем...

– Но это вопрос, который связан с богословской антропологией и потому – с догматическим учением Церкви, несмотря на то что он сам по себе практический. Здесь надо находить какие-то ресурсы внутри догматической традиции, чтобы решать эти современные вопросы?

– Не только догматической, но и нравственной традиции, потому что эти вопросы напрямую затрагивают нравственность. Мы же видим, что каждая эпоха порождала свои вопросы, и богословам приходилось на эти вопросы искать ответы, черпая из одного и того же источника – из церковного Предания. И мы черпаем из того же источника, но должны понять, как сейчас это Предание применить к конкретной реальности, с которой мы сталкиваемся и с которой не сталкивались Святые Отцы – у них мы не найдем ни одного прямого ответа на наши вопросы. Мы должны сами сформулировать этот ответ.

– Каких-то результатов богословской работы по актуальным темам пока нет?

– По данной теме у нас нет результатов, а по каким-то темам мы пришли к результатам. Например, по вопросу о суррогатном материнстве мы сформулировали церковную позицию. По вопросу об ЭКО мы находимся в стадии формулирования позиции, и я думаю, что рано или поздно мы придем к ней.

– Теперь несколько вопросов вам как богослову. Вы начинали с патрологических исследований и диссертацию в Оксфорде писали на патрологическую тему. В какой-то момент вы почему-то перешли в формат систематической богословской работы, создавая большие историко-богословские тексты. Почему вы ушли от конкретной научной проблематики и обратились к созданию, так сказать, масштабных богословских полотен?

М. И.: Отвечая на ваш вопрос, я бы начал с некоей предыстории.

Мое богословское формирование началось в юности через чтение святоотеческой литературы, современных православных авторов, но основной заряд богословского знания я получил во время пребывания в монастыре – благодаря возможности в течение нескольких лет ежедневно совершать все богослужения суточного круга. Именно через это я по-настоящему усвоил догматическую традицию Церкви, т.е. я в нее вошел не столько через книги, сколько через молитвенный опыт. Всякий раз, когда я позже обращался к богословию, я исходил, прежде всего, из этого опыта, в том числе когда я начал изучать наследие Симеона Нового Богослова. Первое, о чем я подумал: надо просто представить себе, в какой ситуации он жил. Он не был кабинетным ученым, не сидел за книгами; он ходил в церковь и слушал те же самые службы, которые я вычитывал. Значит, вот где источник его богословия.

В качестве богословской специализации, когда я поступил сначала в семинарию, затем в академию, а потом в Оксфордский университет, я избрал патрологию и изучал конкретно, одного

за другим, святых отцов. Первым был Симеон Новый Богослов – так сказать, моя первая любовь, но пока я писал книгу о нем, я настолько заинтересовался Григорием Богословом, что понял, что следующая книга будет о Григории. Еще будучи в Оксфорде, я собрал весь необходимый материал для книги о нем. Я ксерокопировал соответствующие статьи в Бодлеанской библиотеке и тратил на это деньги, что для студента всегда связано с какими-то жертвами...

Тогда же, в Оксфорде, я начал изучать Исаака Сирина, потому что там был Себастиан Брок – крупнейший специалист по сирийской традиции, и я просто не мог пройти мимо него и не воспользоваться тем кладезем знаний, который у него был. Вот этих трех святых отцов я изучал и написал о них книги.

Потом встал вопрос о том, что делать дальше. Ведь можно всю жизнь просто последовательно писать книги о святых отцах... В XIX в. был один немецкий ученый, который раз в десять лет выпускал монографию про какого-то святого отца. Можно было идти таким академическим путем, но мне были интересны и другие темы.

В какой-то момент я пришел к мысли о том, что мне хочется в виде одной монографии изложить вообще – что такое православие, т.е. написать о православии как о некоей когерентной системе, где все взаимосвязано. Потому что я уже видел, что богослужение очень тесно связано с богословием. Как показать эту связь? И я решил, что буду писать книгу под названием «Православие». Тем более, что прецеденты уже были: была книга отца Сергия Булгакова «Православие» и др. В двухтомнике¹ (на третий том меня не хватило) я попытался представить православие как когерентную систему. Я начал с некоего взгляда на историю, потом изложил всю догматику, затем перешел к богослужению, церковной архитектуре, иконописанию, церковной музыке. Но я старался все рассматривать из некоей общей перспективы.

– У вас еще была книга «Таинство веры» – вполне систематического характера.

– Это была моя самая первая книга, еще до поездки в Оксфорд, которая появилась благодаря тому, что меня внезапно назначили преподавать догматическое богословие. Мне вечером позвонил проректор духовной академии и сказал: у вас завтра первая лекция. Когда мне показали учебники, по которым занимались студенты, так называемые конспекты, машинописные (пять свойств ума Божия, три свойства воли Божией...), я понял, что так не буду преподавать, я хочу найти святоотеческий синтез. И тогда я написал эту книжку².

– Это был, так сказать, материал для лекционного курса?

– Да, материал для преподавания. Шел 1992 год. И уже потом был Оксфорд, были книги о

Симеоне, Григории Богослове и Исааке Сириане³. Позже я увлекся темой имяславия и написал об этом большую книгу⁴. Причем в этом случае надо было обращаться и к догматическому материалу, и к историческому. Я читал газеты того времени, и все это представляло как детективная история. А дальше была книга «Православие».

– Ваш авторский катехизис – это что? Вы просто продолжили традицию кратких авторских православных катехизисов, которые появились в минувшем веке и в русской церковной среде в эмиграции, и в других православных церквях? Или у вас была другая мотивация?

– Все началось с того, что в рамках Синодальной богословской комиссии лет десять мы пытались создать катехизис и совместными трудами, после многих усилий написали его, неоднократно редактировали текст, а потом отдали текст на отзывы, получили их и внесли поправки... И вот в какой-то момент я получил отзыв от одного очень уважаемого нашего иерарха, в котором было сказано: да, катехизис полезен, там есть много важного, но он слишком пространный. Кто же будет читать такой пространный текст? Нам бы что-нибудь короткое и доходчивое... И я подумал: если мы сейчас запустим процесс по второму разу, займемся созданием уже краткого катехизиса, то пройдет еще десять лет, мы его напишем, и нам скажут: вот это не раскрыли, вот это не осветили, – слишком коротко, сделайте подробнее.

Думая об этом, я просто сел и за три дня написал катехизис. Подготовка к изданию заняла около года, но сам текст я писал практически не вставая, прерываясь только на сон, на молитву и на еду. Идея состояла в том, чтобы в максимально доступной форме изложить основные истины, касающиеся вероучения, нравственности и церковного строя⁵.

Вопрос о целой серии ваших недавних книг об Иисусе Христе. Что это такое? В каком жанре это написано?

– Это был крутой разворот в моем богословском развитии. После долгих лет, когда я занимался патристикой и более широкими исследованиями в области богословия, я вдруг обнаружил огромную лакуну в своем собственном богословском знании – в области так называемого новозаветного богословия. Конечно, я с детства читал Евангелие, толкования святых отцов, какую-то научную литературу, но я никогда систематически не занимался текстом Нового Завета. И я просто в какой-то момент почувствовал, что мне необходимо весь этот гигантский массив освоить – конечно, в какой-то мере. Я освоил его примерно в объеме тысячи книг и статей. Это капля в море, если взять все новозаветное богословие, но мне кажется, что я по крайней мере познакомился с основными направлениями и наиболее репрезентативными трудами новозаветной богословской мысли. Я сумел сформировать для себя какое-то видение того, как создавался евангельский

текст, для какой аудитории он создавался и как может прочитываться сегодня.

Мой метод богословской работы не предполагает просто чтения – я обычно читаю по мере того, как пишу. В какой-то момент мне попала в руки книга папы Бенедикта XVI «Иисус из Назарета». Даже не прочитав книгу, а просто ее пролистав, я понял, что должен написать свою книгу про Иисуса из Назарета. Сначала я думал, что это будет одна книга, но по мере того, как я начал этим заниматься, все разрасталось, и в итоге получилось шесть томов⁶. По мере написания этих шести томов примерно на каждый том у меня было около двухсот прочитанных книг и статей.

Почему я за это взялся? Во-первых, это была огромная лакуна в моем богословском образовании, а во-вторых, это касается сердцевины нашей веры: кто такой Иисус Христос? Мне захотелось подойти к личности Иисуса Христа не изнутри догматической традиции, как я это делал в предыдущих книгах, т.е. не изнутри христологии: две природы, две воли, два действия, теории искупления и т.д. Хотелось посмотреть на Иисуса Христа как на живого Человека, как на историческую Личность, т.е. представить Христа прежде всего как Человека.

В предисловии я пишу, что как православный человек признаю Христа воплотившимся Богом, но хочу доказать это и на протяжении всех этих шести томов стараюсь показать, как в Иисусе Христе сочеталась божественная природа с природой человеческой, причем с человеческой природой во всей ее полноте. Я хочу показать, что Иисус Христос был реальным человеком, что Он реально плакал, скорбел, гневался, страдал, радовался.

Я затрагиваю такой аспект святоотеческого богословия, как представление о том, что некоторые действия Иисуса Христа имели исключительно педагогический смысл. Так, некоторые толкователи говорят, что Он спал на корме во время бури для того, чтобы научить Своих учеников тому-то и тому-то. А я попытался посмотреть, чем Он занимался в этот день до того. И оказывается, Он столько всего сделал! Неудивительно, что он спал на корме во время бури: Он устал, по-человечески устал. И Он спал не для того, чтобы кого-то чему-то научить, а потому, что просто хотел спать. В Евангелиях много таких подробностей, и мы часто их не замечаем, а мне хотелось показать, как через человеческое раскрывается божественное и как вообще через человека раскрывается Бог.

– Сколько еще будет томов?

– Я закончил этот труд про Иисуса Христа в шести томах. А потом я стал использовать собранный материал. Например, я сделал сокращенный вариант для известной книжной серии «Жизнь замечательных людей». Оказалось, что в этой серии, включающей две тысячи томов, есть книги о Магомете, о Будде, о Конфуции, а об Иисусе Христе не было. И я предложил такую книгу, которая

была издана⁷.

Мотивом был и такой случай. Я подарил одному уважаемому человеку пять томов этой серии, а год спустя он мне сказал: «Я прочитал первый том, но там только про рождество Христово... И что – я должен все шесть томов читать?» Я понял, что сейчас не то время, когда люди читают книгу в шесть томов. Так что шеститомник остается для тех, кто готов читать, и его, кстати, постоянно покупают. Первое издание вышло тиражом в десять тысяч экземпляров, а теперь уже второе издание, потому что первый тираж разошелся. То есть кто-то еще читает книги в шести томах, но людям надо давать и что-то более короткое.

В последнее время я пишу более короткие, более доступные тексты, без научного аппарата, чтобы достичь другой аудитории. Кроме того, много работаю в видеоформате, потому что многие люди сегодня вообще не читают книг, а предпочитают смотреть видеоролики или слушать аудиокниги.

– Получается, что ваша богословская деятельность в последнее время смещена, скорее, в сферу просветительства...

– Я стараюсь не упускать и академическую работу. Последняя книга, которую я написал, но которая еще не вышла, называется «Тайна Богородицы». Это академическое исследование объемом более 800 страниц, в котором описывается, как в течение первых десяти веков христианства развивалось почитание Богородицы, т.е. с середины I в. до середины XI в. Я иду строго по источникам, обильно их цитирую, привожу некоторые источники, которых на русском языке нет. И опять же мне самому было интересно прояснить эту тему. Я вообще за редким исключением не пишу книги для кого-то – я их для себя пишу, чтобы что-то для себя уяснить, а по мере того, что я что-то уясняю для себя, это может оказаться полезным и для других.

– Последний вопрос: какие у вас рабочие языки для богословской работы?

– Древние – основной греческий, затем сирийский и древнееврейский. В какой-то степени латинский, хотя я никогда систематически латынь не изучал, но, когда надо, я обращаюсь к латинским источникам. Из новых языков первый, естественно, английский, второй французский, третий греческий, затем идут другие по нисходящей...

– В этой беседе мы затронули, по необходимости кратко, некоторые важнейшие вопросы, касающиеся самой природы богословия, а также различных аспектов присутствия теологии в современном научно-образовательном пространстве. Выражу надежду, что православное богословие – как в его церковном изводе, так и в форме

светской университетской теологии – будет развиваться. Постараемся общими усилиями способствовать этому процессу.

¹ *Иларион (Алфеев), еп.* Православие: в 2 т. Т. 1: История, каноническое устройство и вероучение Православной церкви. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2008; Т. 2: Храм и икона, таинства и обряды, богослужение и церковная музыка. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2009.

² *Иларион (Алфеев), иером.* Таинство веры: введение в православное догматическое богословие. М.: Клин, 1996.

³ *Иларион (Алфеев), иером.:* 1) Преподобный Симеон Новый Богослов и православное предание. М.: Издательство Крутицкого Патриаршего подворья: Общество любителей церковной истории, 1998; 2) Жизнь и учение святителя Григория Богослова. М.: Издательство Крутицкого Патриаршего подворья, 1998; 3) Духовный мир преподобного Исаака Сирина. М.: Издательство Крутицкого Патриаршего подворья, 1998.

⁴ *Иларион (Алфеев), еп.* Священная тайна Церкви: введение в историю и проблематику имяславских споров: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2002.

⁵ *Иларион (Алфеев), митр.* Катехизис: краткий путеводитель по православной вере. Москва: Эксмо: ОЦАД: Синодальный отдел по взаимодействию Церкви с обществом и СМИ, 2017.

⁶ *Иларион (Алфеев), митр.* Иисус Христос: жизнь и учение: в 6 кн. Кн. 1: Начало Евангелия. М.: ОЦАД: Познание, 2017; Кн. 2: Нагорная проповедь. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2016; Кн. 3: Чудеса Иисуса; Кн. 4: Притчи Иисуса; Кн. 5: Агнец Божий; Кн. 6: Смерть и воскресение. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2017.

⁷ *Иларион (Алфеев), митр.* Иисус Христос: биография. М.: Молодая гвардия: Познание, 2019.